

Корделия была многим в ее воображении и фантазиях. Ее называли множеством имен, любя или нет. И с тех пор, как она пришла в этот мир, на нее возлагали существа странные ожидания, находящиеся за пределами понимания. В ее отражении в глазах Эсме была таинственная молодая женщина с экзотическим воспитанием и мистическими тайнами. Но в конце дня только одно было правдой: она была ребенком, едва достигшим совершеннолетия в своем старом мире. А в этом она была совершенно одинока, невежественна и бесполезна. Не слишком отличаясь от себя прошлой, но это было и по-другому. Это было хуже. Поэтому она нашла момент, когда вышла из гостиницы этим утром, думая исследовать мир, в котором ей предстоит жить до конца своих дней.

Жизнь сама по себе тяжела. Конечно, большинство людей не испытывают особых проблем с жизнью, то есть с детством, взрослением, поиском работы, вступлением в брак. Даже когда что-то из этого оказывается сложнее, чем ожидалось, большую часть времени это никогда не приближается к непреодолимой мере. В конце концов, люди приучены жить в своей среде с самого рождения, через каждое взаимодействие с детьми их возраста, со сверстниками на каждом этапе жизни, с ближайшими или дальними ссылками на то, как правильно жить. Но теперь предположим, что кто-то внезапно переносится в незнакомое место, не зная о нем ни малейшего понятия, даже через неточные онлайн-знания или устаревшие стереотипы, даже через смутное представление о его культуре, о темпераменте людей, о самых основных потребностях для жизни, не зная, должен ли его климат быть холодным или тропическим, разрешают ли законы каннибализм или полиаморию... Страна, скажем, Кирибати, которую нельзя было бы обозначить на карте только по названию. Земля без друга, без одного человека, которому можно доверять, от которого она не пыталась бы активно сбежать, Корделия не имела ни малейшего представления о том, как справиться с настоящим. У нее не было ни прошлого, ни семьи, ни родины, на которую она могла бы купить билет обратно, если бы все остальное пошло не так. Будущего не существовало, поскольку все, что было запланировано для нее, она решила расстроить. Никаких карьерных перспектив, конечно. Никаких навыков, необходимых для существования. Никакого большего желания, чем это смутное желание жить. Никакого настоящего, никакого прошлого, никакого будущего — что же тогда у нее было?

Жить ради жизни было достаточно неопределенно.

И вот она стояла перед гостиницей, ошарашенная. Конечно, было бы достаточно просто повернуть назад и проесть скудные монеты брата с сестрой, ожидая возвращения сэра Камарика. Но, как много раз говорил Деррик, не было никаких гарантий, что она найдет работу в его замке. И она не питал никаких надежд в этом отношении.

Слепо и решительно она пошла в случайном направлении, натягивая на себя шаль, взятую у Эсме. Утро было холодным, и ее разум онемел. Дома были угрюмыми, серыми, неприветливыми. Она теряла сознание даже в худшие времена, как если бы она сдавала экзамен и обнаружила, что все полезные вещи в ее мозгу полностью исчезли. Ей потребовались все ее силы, чтобы просто сдерживать растущую панику. Улицы казались странными. Для ее настороженных глаз люди выглядели враждебно. Тут и там дети и собаки бросали на нее странные взгляды. И прохожие, крестьяне, ремесленники и торговцы приветствовали друг друга по имени и знакомыми словами. Как она была одинока. Насколько она была совершенно чужой для этой земли. Было терпимо в лесу или на равнине, потому что она знала, что это временно, и, как рассеянный турист, она не обращала внимания на незнакомость и непонятные вещи. Но этот город станет ее новым домом, где все живущие,

возможно, уже знали друг друга в лицо. Не она. Незнакомка, которая никогда не впишется, которая будет бояться и ненавидеть, вечно будет считаться странной и чужой. Нежеланный элемент, нежеланная неприятность. Как она могла подумать, что кто-то здесь примет ее, добавив чужака в свою среду только из доброты и милосердия? Ибо, конечно, у нее не было навыков, которые бы гарантировали работу, но она была хуже, чем даже невежественный деревенский парень в первый день в городе, не имея даже физической силы для тупой работы.

Но разве она сама не выбрала этот путь, зная все это? Отсутствие цели, средства для выживания было потому, что она презрела данную цель и мощные средства для выживания. Сознательный выбор, великие жертвы для успокоения своей совести. Так на что же она вообще жалуется сейчас? Она знала, что так будет намного сложнее, и, несмотря на это, бросилась вперед сломя голову. Она шла к цели. Основанием ладони она сильно ударила себя по виску, напрягая его в поисках идей. Она не была полностью лишена представления о том, как функционирует этот мир. Такие вещи, как таверны и гостиницы, подразумевали необходимость официанток, поваров и помощников для других тривиальных дел, чтобы вести респектабельный бизнес. Конечно, она могла бы работать официанткой, даже ее неуклюжесть можно было бы исправить при достаточной решимости. И разве Деррик не говорил что-то о гувернантке? Значит, существовала потребность в образовании, и если не что-то еще, она могла бы научить детей читать и писать, возможно, если не для дома местного лорда, то для какого-нибудь богатого человека. Какое ей дело до мизерной платы? Честная работа приносила больше, чем она могла просить. Даже не зарплата, а один-два приема пищи в день и предоставленное жилье были достаточными для жизни.

Как раз когда ее мозг начал думать, а ее пессимизм начал ослабевать, что-то значительное привлекло ее внимание и сразу же завладело ее вниманием. Настолько поразительным было это зрелище, что она выдернулась из всех образующихся раздумий. Женщина. Но не просто какая-то крестьянская домохозяйка, полная болтовни, несущая товары с утреннего рынка или ведра с водой. Женщина, которая стояла полускрытая в переулке через дорогу. Она была в лучшем случае на несколько лет старше Корделии. Поразительным было гладкое длинное платье, блестящая иссиня-черная масса волос, собранных на голове, и несколько надменное поведение, когда она смотрела на горожан. Напротив, окружающие полностью игнорировали женщину, иногда даже отводили глаза, как будто она была неприятным зрелищем. Далеко не уродливая, хотя все еще не красавица, ее изящная одежда и походка выделяли ее на причудливых улицах, поэтому было странно, что простолюдины так ее избегали. При более близком рассмотрении улица казалась той, где в основном жили гончары и плотники. По-прежнему ничто не указывало на цель, с которой женщина стояла, слегка стесненная теплыми солнечными лучами, наполовину в тени соломенного дома и боковой тропинки.

Когда женщина повернулась, Корделия увидела, что ее глаза были серыми, как облака над головой. Затем она поняла, что эти глаза стали совсем близко. И все же женщина стояла неподвижно. Это была Корделия, которая двинулась произвольно. И теперь она стояла прямо перед женщиной, совершенно онемев.

«Беги, девочка», — холодно сказала женщина. Ее голос был тихим, но тонким, как шепот. Следы усталости несколько портили эффект ее резких черт, и все же это захватило Корделию, даже теперь отказываясь отпустить. «Что теперь?» Женщина нетерпеливо посмотрела на нее.

«Я...» Корделия попыталась вырваться из оцепенения, но безуспешно. «Я просто хотела узнать,

кто ты», — глупо сказала она.

Женщина закатила глаза. «Вы видели, как я приняла позу?»

«Простите?»

«А такая поза». Женщина прислонилась к стене, выпятила бедра и положила руку на него. Корделия задумалась, должно ли это выглядеть чувственно или просто странно.

«Эээ...» — было лучшее, что она смогла произнести.

«Привычка своего рода, я говорю». Она вздохнула. Затем ее глаза скользнули по всему телу Корделии, и бровь на нем приподнялась. «Вечно такая странная, а?»

«А?»

«Беги, я сказала», — повторила она и повернулась.

Она смотрела на дом дальше по боковой улице, откуда вышел торопливый молодой человек. Он шел к ним быстро, но не совсем бегом, его рука была сжата в кулак. Однако прежде чем Корделия успела встревожиться его приближением, он остановился, ожидая.

«Прощай, малышка», — лениво сказала женщина и пошла к мужчине.

Она ушла, как тень от облака, пролетая и оставляя за собой дневной свет, освобождая Корделию от ее странной хватки. И Корделия должна была проснуться тогда, что она должна была хорошо осознать чары, которым она была подвержена, ибо в этом была сила профессии этой странной женщины, которая должна была быть достаточно ясна к настоящему времени. Но она упрямо отказывалась отпускать ее, возможно, отчасти потому, что она была потеряна для какой-то цели, и видела что-то в фатальности каждого движения женщины. Она жаждала некоторой уверенности таких шагов, смело без страха и ни секунды не раздумывая.

Корделия последовала за ней.

Она подошла к женщине как раз в тот момент, когда мужчина развернул кулак, показав несколько монет. Пока молодой человек вздрогнул от ее присутствия и уставился на нее, женщина схватила монеты и начала пересчитывать.

«Ты издеваешься надо мной?» — рывкнула она тонким голосом, полным яда и отвращения. «Ты заставил меня проделать весь этот путь сюда ради этого? Ты слушаешь?» Затем она заметила, на что он смотрит.

«Разве я не сказала тебе бежать? Ты...» Она отошла от мужчины, скорчив ему презрительную рожу, затем резко повернулась к Корделии лицом к лицу. Палец протянулся, ловко приподняв подбородок Корделии. Жест был настолько естественным, что она совершенно забыла протестовать против прикосновения. «Ты собираешься украсть меня у этого жалкого подобия мужчины?»

«Конечно, нет!» Мужчина схватил ее за руку. «У нас есть договоренность!»

«Чего ты себе позволить не можешь». Женщина сердито посмотрела на него, даже не поморщившись от его хватки.

«Ты же знаешь, я плачу вовремя», — его плечо расслабилось.

«А мне все равно. Отпусти меня, болван! Думаешь, тебе это сойдет с рук!?»

Его взгляд беспокойно скользнул в сторону Корделии. «Кто она? Твоя подруга? Или...»

«Какая разница! Какая-то девчонка! Отпусти, я сказала!»

Но его налитые кровью глаза наполнились безумным взглядом. И с лицом, раскрасневшимся и развращенным кипящими эмоциями, он начал тащить женщину прочь. Ее пинки и укусы, в конечном счете не ослабили его хватку, кроме как заслужив ей ошеломляющую пощечину. Даже когда он захлопнул за собой дверь, ее дикий вопль раздался изнутри.

Ошеломленная, Корделия на мгновение замерла в оцепенении. Даже тогда, возможно, было слишком поздно, она это остро осознавала. Затем она бросилась прочь, убегая, звать на помощь или убегать от ужасной сцены — она не знала. Была только сводящая с ума настойчивая потребность в спешке. Поэтому она бросилась обратно к улице ремесленников. Эхо крика все еще звенело у нее в ушах, но в то же время казалось, что только она могла его слышать. Простой народ даже тогда был поглощен своей задачей и творением, пешеходы двигались вперед беззаботно, если ускоренным шагом не прошли этот переулок за несколько минут до того, как женщина все еще стояла. После секунды ошеломления она подумала, что нужно встревожить их, позвать на помощь, но единогласно, как будто было достигнуто соглашение, каким-то согласованным настроением принужденным, все они, каждый из них, избегали ее отчаянного взгляда. И они отвернулись, все они, в тот момент, когда она приблизилась, прежде чем она успела приказать своему ошеломленному рту заговорить, их глаза переместились. Они знали, им было все равно. Им не следовало вмешиваться в дела дьявола. Ибо именно как дьявол они смотрели на женщину прежде и даже теперь. Ибо то, что происходило во тьме, не касается тех, кто на свете.

Но, конечно, в этом мире должен быть еще какой-то смысл, что-то, что могло бы проникнуть даже в этот апатичный мировой порядок. Она не знала, где искать такую вещь, только то, что она должна, поэтому она бежала, ища, в безумной панике.

И вот она увидела его, перейдя два ряда домов, возможно, своего помощника, спасителя, шагающего среди бела дня, который еще может все исправить. Это был солдат, стражник, в ливрее, как те, что были у ворот вчера. Его оружие было убедительным, потому что в этом случае она знала, что только насилие может спасти эту женщину. И суровый способ, которым он стоял и шел, в то время как скромные городские жители вокруг держались подальше, обещал именно то, что требовалось в этой ситуации. Она пошла прямо на него, почти рухнув на испуганного человека.

«Спасите...! Помогите, помогите», — кричала она, — «Кто-то в опасности!»

Первый момент изумления прошел, охранник уставился на Корделию, вникая в ее слова. «Спокойно, миссис. В чем опасность? Для кого? Объяснитесь».

«Женщина, — прошептала она, — которую мужчина привел в свой дом!»

Он посмотрел на нее, нахмутив брови. «Против ее воли, ты имеешь в виду? Ну, показывай дорогу!»

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4468808>